

В.И.Заика

ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА

The aesthetic realization of language is the verbal embodiment of an artistic model. The artistic model (the referent space of an artistic text) is constituted not only from images of faces and things. The aesthetically realized language is both means and object of artistic embodiment. A narrating person (a narrator, a lyrical hero) is also the element of the artistic model.

В последнее время стало отчетливым проявление интереса к теоретическому осмыслению реализации языка в эстетических целях [1]. Понятие эстетической функции (далее ЭФ) традиционно фигурирует в теоретической части современных исследований художественной речи, однако непосредственное подробное рассмотрение этой реализации языка в модели функций встречается не часто. Вместе с тем, именно необходимость выяснить специфику художественной речи, специфику эстетической функции языка породило одну из самых упоминаемых типологий функций [2].

Определение понятия ЭФ и установление ее места в модели функций языка необходимо для решения многих теоретических и практических задач: 1) выработки принципов рассмотрения художественной речи (анализа текстовых осуществлений эстетических намерений художника), 2) решения проблемы языка художественной литературы или художественно-беллетристического стиля и проблемы сопоставления художественной и практической речи, 3) установления принципов описания идиолектов, в том числе и описания лексикографического, 4) создания внятных методологических оснований для учебной дисциплины «Лингвистический анализ художественного текста». Кроме того, четкое определение ЭФ необходимо для конвертирования результатов различных исследований художественной речи, а также для ответа на разного рода частные вопросы — например, о правомерности разведения в художественной речи образных средств и «упаковочного материала», об уместности предъявления нормативных претензий к художественной речи, о функциональной квалификации эстетически мотивированных вкраплений в практической речи и др.

Понятие эстетической реализации языка выражается в различных терминах: *язык художественной литературы, художественная речь, поэтический язык* и др. Собственно ЭФ определяется или как «установка на то, чтобы сообщение своей формой и/или содержанием удовлетворяло эстетическое чувство адресата» [3], или как предназначенность языковых средств для удовлетворения потребностей эстетического мышления и воздействия на эстетические установки адресата [4], или через понятие формы, плана выражения: «организующий признак искусства — направленность не на означаемое, а на сам знак» [5].

Иногда в определении эстетической функции наблюдается подмена или неразличение понятий *язык* и *речь (текст)*, а определение эстетической функции языка сводится к описанию эстетической функции текста [6]. Считаю, что необходимо строго разводить функции языка и функции произведения. Произведение может выполнять различные функции: воспитательную, дидактическую, учебную, энциклопедическую и т.д., и ЭФ произведения должна рассматриваться в ряду этих функций. Если функция произведения (в том числе и эстетическая) может быть и «нечаянной» [7], то литератор совершенно сознательно использует язык *таким* образом, чтобы продукт деятельности позволял при восприятии порождать эстетическое чувство. Функция языка (средства) предопределяется интенцией, замыслом и случайной быть не может. Вместе с тем в дефиниции ЭФ упоминание о речерезультате не делает само определение противоречивым или избыточным. Л.Ю.Максимовым, например, она определена как функция «эстетического воздействия на читателя при помощи специально организованного по языку образного содержания» [8].

В представляемом далее понимании ЭФ мы опираемся на модель функций, в которой

функция — это *отношение языковой способности к ситуации* [9]. Специфика модели состоит в монофункциональном видении языка и полифункциональном видении речи: языковая способность говорящего позволяет вербализовать мысль, чувство и применить эту вербализацию в коммуникативной ситуации в качестве средства достижения цели. Когда мы говорим, что функция языка – экспрессивная (выражение идеи), то мы имеем в виду любую объективацию любой идеи посредством языковой способности.

Коммуникативная реализация языка — основная и первичная, все некоммуникативные реализации языка — вторичны. Любая коммуникативная реализация предполагает конечной целью координацию поведения собеседника посредством воплощения замысла в определенной последовательности знаков, которая, будучи текстом, обеспечивает сопорождение собеседником смысла. Сопорожденный собеседником смысл является условием его поведения, предполагаемого говорящим. Некоммуникативные реализации либо не предполагают вовсе координацию поведения собеседника, либо предполагают координацию, но не посредством «переданного» смысла. Приспособление языка к применению в различных некоммуникативных или несобственно-коммуникативных ситуациях порождает различные вторичные функции, например, магическую, фатическую, эстетическую.

Эстетическая функция речи — это отношение речевого поведения к реализации намерений субъекта воплотить художественную (поэтическую) модель мира. *Художественная речь — эстетически обусловленная экспрессия, знаковое замещение (вербальное воплощение) художественной модели.*

Допускаем, что поскольку художник слова пользуется элементами и правилами естественного этнического языка в некоммуникативных целях, игнорируя при этом не только некоторые свойства языка, но и некоторые принципы языковой деятельности, то его сознательные установки на приспособление языка к особым условиям экспрессии безусловно порождают что-то вроде *эстетического варианта языковой способности*, что дает основание рассуждать о *функции языка*. Поскольку вопрос требует специального рассмотрения, считаем целесообразным использовать компромиссное понятие — *эстетическая реализация языка*.

Эстетическая реализация языка при воплощении художественной модели не предполагает координации даже в широком понимании. Порождаемый текст имеет установку не на адекватность *понимания*, а на *переживание*. Переживание, которым сопровождается воссоздание художественной модели, и представляет собой то, что называется эстетическим чувством.

Художественная модель — совокупность референтов художественной речи. Референт — то, к чему имеет референцию имя, высказывание, текст. Если в практической коммуникации референтом имени, высказывания, текста являются *реальные* предметы, ситуации, события, то в ситуации эстетического применения языка референция осуществляется не с реальным миром а с *художественной моделью*. «Речевой отрезок может иметь референцию не только в реальном, но и в воображаемом мире, в частности в универсуме данного художественного произведения» [10]. «Языковой текст всегда строится как имеющий некоторый внешний мир, с которым он соотносится, — будь то реальный мир или вымышленный, как это имеет место в художественной литературе. В случае вымышленного мира референтами языковых выражений будут объекты и ситуации в вымышленном мире текста» [11]. Референция при эстетической реализации — это отнесенность к поэтическому предмету в широком смысле, так что, используя понятие референт, мы имеем в виду специфическое *референтное пространство*.

Далее для определения сущности эстетической реализации уточним свойства референта. Существует мнение, что функцию нельзя определять на основании типа референта [12]. В.З.Панфилов отмечал, что если исходить из специфики конкретного содержания каждого из речевых произведений, то набор речевых функций можно умножать до бесконечности [13]. Конечно, тип референта не может быть ни единственным, ни определяющим основанием выделения координативных функций. Но эстетическая реализация отличается от

иных функций в первую очередь типом референта. Более того, именно на специфике референта «пересекаются» практически все проблемы художественной речи.

В суждениях о художественной речи специфика референции понималась по-разному: «трактовка предметов вымышленных и условных» у Б.В.Томашевского [14], «выводимость посредством обычных значений в другой мир» у Б.А.Ларина [15]. Основной признак референтов эстетической реализации — это *вымышленность*. Именно вымышленностью отличается референт эстетической речи от материала.

Собственно факты, имеющие место в действительности, становящиеся поводом и/или объектом художественного изображения, являются материалом по отношению к художественному миру, но не референтами речи, являющейся воплощением этого мира. Материал коррелирует с референтами художественного текста. Л.С.Выготский отмечал, что в произведении всячески усиливается и подчеркивается конкретность и действительность описываемого и «потому что только при этом она (действительность. — В.З.) приобретает над нами свое аффективное действие. Но эта действительность или конкретность... рассказа ни в какой мере не должна смешиваться с действительностью в обычном смысле этого слова. Это есть особая, чисто условная, так сказать *действительность добровольной галлюцинации* (курсив мой. — В.З.), в которую ставит себя читатель» [16]. Именно вымышленностью «поощряется» неопределенность референтного пространства.

Вымышленность художественного мира определяет важность не только разведения материала и референта, но и соотношения вербализованной и невербализованной информации. Всякая модель представляется порциями вербализованной информации — квантами [17]. Обозначенные последовательно реалии, которые и являются собственно референтами данного текста, при сопорождении художественной модели непременно сопровождаются не названным, но предполагаемым. Эти непоименованные, но однозначно воссоздаваемые элементы представляемой художественной модели имеют статус «межквантовых». Например, в описании «Вошел человек в широкополой шляпе» остальные составляющие одежды подразумеваются.

Проблематичен статус этих подразумеваемых, домысливаемых элементов, отнесения/неотнесения их к художественной модели. Если собственно кванты являются составляющими художественной модели, то неназванные реалии не могут считаться такими же составляющими. Их неупоминание означает их *нерелевантность для представляемой художественной модели*. Автор отдает их на произвол воспринимающего сознания. Впрочем, представляя художественную модель средствами естественного этнического языка, автор ограничивает произвол воспринимающего в воссоздании непоименованного языковой картиной мира, фоновыми знаниями и здравым смыслом. Попутно заметим, что эти межквантовые элементы, развернутые описания которых имеют место в пособиях по анализу художественного текста, ограниченных процедурами комментирования, не относятся к художественной модели, имеют познавательный, но никак не эстетический смысл.

При всей своей неясности межквантовая информация может служить основанием для различения прозаической и стихотворной речи. Установление этих отличий требует специального рассмотрения, хотя можно сразу предположить что в лирике межквантовая информация менее функциональна.

Художественная модель — это не только многомерный образ фрагмента реальной действительности, состоящий из образов предметов, лиц, событий, процессов, отношений и пр. *В референтное пространство конкретной эстетической реализации в качестве элемента входит язык*. И в этом нет никакого парадокса. Большинство известных формул эстетической речи так или иначе содержат эту мысль. Например, высказывание Р.Якобсона о перенесении «принципа эквивалентности с оси селекции на ось комбинации» истолковывается как включение в область референции и самого высказывания [18]. Иными словами, поэтическое высказывание говорит читателю не только о лицах, предметах, свойствах и отношениях, но и о языке, на котором создано это высказывание.

Видение языка в качестве составной части художественной модели и референтного

пространства заставляет толковать понятие словесного и в целом художественного образа как двусторонней сущности, планом выражения которой является весь двусторонний словесный знак. Декларированную формалистами гиперболу *самоценности слова* (самоценность эстетического знака) мы понимаем как принадлежность этого знака к референтному пространству произведения. Знак самоценен в том смысле, что он является референтом наравне с предметом, в изображении которого он применен.

Включенность языка в представляемую художественную модель — признак, определяющийся эстетическими установками автора, жанром и другими факторами. Ее следует понимать не буквально — как описание слов, звуков и оборотов или рассуждение, например, о достоинствах языка (хотя такие последствия тоже имеют место), но как включенность, отражающуюся в одновременном описании и реалий, и языка. («Поглощение» языком иных элементов художественной модели наблюдается в различных видах поэтической зауми). О включенности свидетельствует любое так называемое *преодоление материала*: тропы, окказионализмы, инструментовка и т.д. У разных авторов язык в большей или меньшей степени включен в художественный мир.

Включенность языка в референтное пространство имеет множество последствий для художественного текста, в том числе — хорошо известную, но трудно поддающуюся описанию *диффузность* плана выражения и плана содержания, «подвижность» границы между ними.

Художественное произведение — это не только описание художественной действительности, это также и описание наблюдающего действительность *повествующего лица*, описание состояния наблюдателя, придуманного автором для «разглядывания» действительности. Конечно, в лирической и эпической моделях этот элемент имеет принципиальные отличия и в степени проявления, и в способах воплощения, но его наличие — типологический признак художественной модели, референтного пространства художественного текста. В лирике это *лирический герой*, в прозе — *повествователь* [19]. Вымышленность — это глобальный признак референтного пространства в эстетической реализации. Этим признаком обладает и язык, и повествующее лицо.

Отличия прозы и лирики, которые иногда столь неявны и немногочисленны, могут быть осмыслены с точки зрения проявления выделенных компонентов художественной модели. В лирических текстах, как правило, значительность языка как компонента референтного пространства в целом выше, чем в прозе, повествующее лицо в прозе, наоборот, более значительный компонент, чем в лирике. На это обратил внимание Б.Пастернак в статье «Несколько положений» [20].

Включением в понятие референтного пространства художественного текста наряду с предметами, персонажами, ситуациями, отношениями также *языка* и *повествующего лица* существенно сужается понятие эстетической реализации языка. Вместе с тем, такое видение подчеркивает ограниченность эстетической реализации только условиями художественного текста (продукта представления художественной модели) и невозможность такой реализации вне его. В таком случае то, что подразумевают Н.Д.Арутюнова, утверждающая, что ЭФ может иметь место и вне речи художественной [21], и Р.Якобсон, называющий ЭФ любую заботу о качестве сообщения, можно было бы назвать *риторической функцией*.

Рассмотрение особенностей художественной речи конкретного художника слова будет продуктивным при наличии определенности в методологически важном вопросе о специфике референтного пространства. *Вымышленность* его, а также *включенность* в представляемую модель в качестве обязательных компонентов *естественного этнического языка* и *повествователя* создают основные отличия эстетической реализации от всякой практической реализации языка.

-
1. В самых различных аспектах проблема эстетической реализации языка поставлена в

- работах Л.А.Новикова: Феномен эстетического в языке (опыт аналитического синтеза) // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Филология, журналистика. 1994. №1. С.53-74; Структура эстетического знака и остранение // Русистика сегодня. 1994. №2. С.3-20.
2. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С.193-230. Подробно мотивирована и типология в работе: Векшин Г.В. Проблема эстетической функции языка в связи с организацией низших уровней текста // Методология лингвистики и аспекты изучения языка. М., 1998. С.112-121.
 3. Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С.386.
 4. Купина Н.А. Лингвистический анализ художественного текста. М., 1980. С.6.
 5. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С.31-32.
 6. Мукаржовский Ян. Место эстетических функций среди прочих функций // Мукаржовский Ян. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994. С.142-162. Неоднократно обсуждая ЭФ, Мукаржовский имел в виду чаще всего функцию уже осуществленного предмета.
 7. Там же. С.149.
 8. Максимов Л.Ю. Литературный язык и язык художественной литературы // Анализ художественного текста. М., 1975. С.12.
 9. Заика В. И. // Вестник НовГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 1996. №4. С.111-117.
 10. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.411.
 11. Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996. С.244.
 12. Русский язык. Энциклопедия. С.386.
 13. Онтология языка как общественного явления / [В.З.Панфилов, Б.В.Якушин, М.И.Исаев и др.; Отв. ред. Г.В.Степанов, В.З.Панфилов]. М., 1983. 312 с.
 14. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996. С.24.
 15. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974. С.45.
 16. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1987. С.113.
 17. См., напр.: Арнольд А.В. Квантование информации в тексте и читательское восприятие // Исследования целого текста. М., 1986. С.8
 18. Якобсон Р. Указ. соч. С.204.
 19. Заика В.И. Поэтика рассказа. Новгород, 1993. 131 с.
 20. Пастернак Б. Несколько положений // Пастернак Б. Собр. соч.: В 5 т. Т.4. М.: Худож. лит., 1991. С.366-370.
 21. Русский язык: Энциклопедия. С.386.